

ГАЛИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Изучение литературной традиции в житии Александра Невского значительно затруднено тем обстоятельством, что история текста жития недостаточно прояснена. Исследование редакций жития Александра Невского только началось и не имеет еще сколько-нибудь прочных общих решений.

Крупный труд В. Мансикки «Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст» (СПб., 1913) имеет существенные недостатки. Несмотря на всю тщательность и добросовестность произведенной в нем работы две неверные методологические установки свели на нет многие из выводов этого труда. Во-первых, рассматривая летописные редакции жития, В. Мансикка объединяет их историю с историей тех летописных сводов, в которые они заключены. История летописных редакций для него лишь частный случай истории летописания. История же летописания всецело подчиняется им схеме, предложенной А. А. Шахматовым; при этом В. Мансикка не отделяет твердых достижений исследования А. А. Шахматова от некоторых его шатких гипотез. Во-вторых, В. Мансикка по большей части исходит из предположения, что чем моложе список или летописный свод, тем моложе и заключенная в них редакция жития. Обе эти предпосылки, неверные по существу, в особенности оказались ошибочными при применении к житию Александра Невского, в истории редакций которого древние версии жития неожиданно оказывались в поздних летописных сводах и в поздних списках.

Вместе с тем следует заметить, что хотя история летописания должна приниматься во внимание во всех случаях, когда исследуются произведения, вошедшие в состав летописей, однако, поскольку литературные памятники, включаемые в летопись, имели не только летописную, но и внелетописную письменную традицию, изучения состава свода, приемов переработки летописцем своего материала недостаточно для объяснения всех их особенностей. Как известно, русские летописцы никогда не ограничивали своей компилятивной работы только летописными материалами. Летописцы могли привлекать для своего труда и внелетописные редакции жития, естественно предпочитая старшие списки более новым.

Вследствие неверных методологических предпосылок в работе В. Мансикки оказалась явно неправильно освещенной редакция жития в Софийской I летописи. В. Мансикка рассматривал текст жития Александра Невского из Софийской I летописи исключительно в рамках летописной традиции и причислял его к вариантам редакции новгородского свода 1448 г.¹ Все особенности редакции

¹ В работе «Киевский Начальный свод 1095 года» (Архив АН СССР, ф. 134, оп. 1, № 227) А. А. Шахматов отказался от датировки Новгородско-

Софийской I, как, например, обширное заглавие, сравнение с «царем Алевхысом» и пр., В. Мансикка считает изделием самого составителя списка «Софийской первой летописи»,² хотя и отозвался в неопределенных выражениях о древности многих чтений Софийской I летописи. Составитель Софийской I летописи, — говорит он, — «дорожит выражениями жития», «не пренебрегает выражениями жития»,³ включает «черты из списков старого типа».⁴ Между тем редакцию жития Софийской I следует явно объединять с так называемой «новой редакцией» (в списках собрания Уварова, № 514, л. 289; Рукописного отделения БАН, № 13.4.8). Близость⁵ эта не укрылась и от наблюдений В. Мансикки. Считая, однако, на основании внешней истории летописных сводов и по датировке списков «новую редакцию» сравнительно поздней, В. Мансикка предположил, что составитель «новой редакции» жития пользовался житием Софийской I летописи. Между тем многие из древнейших черт «новой редакции» (древность их нащупывалась самим В. Мансиккой и была подтверждена наблюдениями Н. Серебрянского⁶) не находят себе параллелей в Софийской I, а древние чтения Софийской I не находят себе параллелей в «новой редакции». Поэтому вероятнее предположить, что и редакция Софийской I летописи, и «новая редакция» имеют какую-то более сложную историю, восходя (обе самостоятельно) к древнейшей редакции жития. Слепое следование схеме А. А. Шахматова не позволило, однако, В. Мансикке объединить версии жития Александра Невского в Софийской I и в «новой редакции» в одну группу и увидеть в ней остатки древнейшей редакции.

Не ясны также соотношения редакций жития Лаврентьевской летописи и Псковской II. Исходя из соображений бóльшей древности Лаврентьевского списка, В. Мансикка находил Лаврентьевскую редакцию более старой. Между тем, как уже отметил Н. Серебрянский,⁷ нет оснований считать текст жития в Псковской II летописи более поздним, чем в Лаврентьевской. Отметим попутно, что изучение Лаврентьевского списка М. Д. Приселковым несколько не подвинуло разрешения вопроса о том, когда была составлена редакция, включенная в Лаврентьевскую летопись. Не считаясь с явными указаниями текста летописи на то, что мы имеем дело со вставкой жития,⁸ М. Д. Приселков предполагал,

Софийского свода 1448-м годом под влиянием разъяснений А. В. Маркова. (см.: А. А. Шахматов. 1864—1920: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947, с. 135).

² Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913, с. 69.

³ Там же, с. 72.

⁴ Там же, с. 73.

⁵ Близок к ним и текст жития в сборнике XV в. из собрания Н. П. Лихачева. Издан: Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 126—137.

⁶ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития: (обзор редакций и тексты). М., 1915, с. 195 и след.

⁷ Там же, с. 176.

⁸ Первоначальный летописный текст заключал, по-видимому, только известие о смерти Александра, житие же вставлено позднее. См. в Лаврентьев-

что житие Александра Невского было включено в летопись одновременно с составлением основного текста вскоре после смерти Александра (свод 1263 г.).⁹

До сих пор не выяснено, к какой редакции — к Лаврентьевской или к Псковской II — ближе текст жития Александра в известном Псковско-Печерском сборнике, где он находится непосредственно вслед за «Словом о погибели Русской земли». Между тем особенно теперь, после открытия В. И. Малышевым нового списка жития в таком же сочетании, выступает важность именно этого типа жития.

Таким образом, житие Александра, разбор его редакций и текста, ждет еще своего исследователя. Чрезвычайно важными, но беглыми замечаниями Н. Серебрянского изучение редакций жития Александра Невского ограничиться не может. Предполагаем, что некоторые историко-литературные наблюдения, излагаемые нами ниже, помогут в изучении редакций жития, так же как изучение редакций могло бы помочь в исследовании чисто историко-литературном.

В дальнейшем мы пользуемся в основном так называемой Лаврентьевской редакцией в списке МДА, № 208, XVI в. (издана у В. Мансикки), а в некоторых случаях прибегаем к так называемой «новой», или второй, редакции в списке Уварова, № 514 (369), XVI в. (издана у В. Мансикки) и к Псковско-Печерской редакции (издана у Н. Серебрянского с дополнениями из Пролога Румянцевской Библиотеки, № 1772 (ныне ГБЛ, собр. Олонецкой семинарии, № 15), XVI в. и вариантами из рукописи МДА, № 208, XVI—XVII вв.).

1

Во всех основных списках жития Александра Невского приводится известный ответ Александра послам папы: «от Адама до потопа, от потопа до разделения язык. . .» и т. д. Исследуя литературную традицию в житии Александра Невского, В. Мансикка приводит, между прочим, этот ответ в качестве примера влияния на житие летописи. «Подобное „Сказание въкратце су-

ской летописи под 1263 г.: «Того же лета. Преставися великий князь Олександр сын Ярославль. Скажем же мужство и житье его. О Господе нашемъ Иисусе Христе аз худый, грешный, недостойный начинаю писати житье великого князя Олександра. . .».

⁹ «Смерть Александра Невского в 1263 г. вызвала попытку создать как бы продолжение того великокняжеского летописца, который был создан Ярославом в 1239 г. . . общий состав известный за время великого княжения Александра Невского был так беден, что у составителя свода 1263 г. явилась мысль дать особое приложение, в котором очевидец и сотрудник покойного князя вскоре после смерти последнего рассказывал бы о его жизни и деятельности» (П р и с е л к о в М. Д. Лаврентьевская летопись: История текста. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1939, № 32. Сер. исторических наук, вып. 2, с. 130).

щимь от Адама до днешняго времени“, — пишет В. Мансикка, — напечатано в прибавлениях к 1 тому Полного Собрания Летописей. Ход мировой истории распределен на периоды, соответствующие перечню событий в ответе Александра. Под г. 6360, когда летописец впервые начинает „числа положить“, он обозначает время между названными событиями: от Адама до потопа лет 2242, а от потопа до Авраама лет 1000 и 82, а от Авраама до исхоженья Моисеева лет 430 и т. д. В виде особой статьи встречается подобный отрывок, между прочим, в сборнике Московской типографской библиотеки (№ 396, л. 126 об., XVII в.) . . .»¹⁰

Уточним сделанное В. Мансиккой сопоставление. Приведенный им отрывок читается в Повести временных лет под 852 г. и восходит к «Никифорову летописцу вскоре».¹¹ Греческий текст Никифорова летописца, как доказано его издателем С. Де-Воог'ом,¹² распадается на две редакции. Кроме того, отдельные списки летописца имели продолжения (основной текст доведен до года смерти Никифора — 829-го). Текст вставки в Повести временных лет из Никифорова летописца соответствует его второй редакции. Как сразу видно, ответ Александра Невского послам папы от текста Повести временных лет отличается следующими тремя особенностями: 1) в нем отсутствуют хронологические данные, опущение которых, в сущности, понятно: оно вызвано самим характером ответа, не нуждавшимся в них; 2) в нем отсутствуют две хронологические вехи: пленение Иерусалима Веспасианом и царствование Александра Македонского; 3) периодизация мировой истории продолжена в нем указаниями на первый и на седьмой (последний) вселенские соборы.

С последним добавлением, т. е. с указаниями на первый и последний соборы как на два этапа мировой истории, этот отрывок входил в состав Русского Хронографа. Именно этот хронографический отрывок из Никифорова летописца и является наиболее близким к ответу Александра Невского послам папы. Привожу оба текста параллельно.

Русский Хронограф
(ПСРЛ, т. 22, ч. 1, 1914 г., с. 19—20)

Житие Александра Невского
(ГБЛ, собр. Олонецкой семинарии, № 15, XVI в., л. 667)

Летописчик вкратце.¹³ От Адама до потопа лет 2242, от потопа до разделения язык лет 500 и 30, от разделения язык до начала Авраамля лет 552, а от Адама 3300 и 22, от первого лета Авраамля до пришествия Чрънаго моря лет 500 и 5, а от Адама 3827, а от исхо[да]

От Адама до потопа, от потопа до разделения язык, до начала Авраамля, от Авраама до протия Израиля сквозе Чермное море, от исхода

¹⁰ Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 47.

¹¹ См.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, М.; Л., 1940, т. 4, с. 64 и след.

¹² Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica. Lipsiae, 1880.

¹³ Ср. греческое название Никифорова летописца вскоре: *χρονογραφικὸν σύντομον*.

сынов Израилев до умертвия царя Давида лет 600 и 30, а от Адама лет 4000 и 457, а от конца Давыдова до Христова Рождества 1000 и 43, от начала царства Соломона до взятия Иерусалима лет 448, а от Адама 4906, от пленения Иерусалимьска до умертвия Александра Македонскаго лет 261, а от Адама лет 5168, а от пленения до Рождества Христова, а от (у)мертвия Александрова до Августова царства лет 295, а от начала царства Августова до Рождества Христова лет 42, а от Александра,¹⁴ а от Адама до Рождества Христова лет 5500, а от Рождества до Страсти и до Воскресения Христова 33, от Воскресения до первого лета царя Константина лет 279, а от Адама 5812, от первого лета царя Константина до первого собора лет 12, от первого до второго лет 60, от второго до третьего лет 50, а от третьего до четвертого лет 30, а от четвертого до пятого лет 100, от пятого до шестого лет 130, от шестого до седьмого лета 122, а от Адама 6296 до седьмого собора, а от Рождества Христова лет 805, а до крещения Болгарьскаго от Адама лет 6377, от крещения до преложения книг лет 30 на Словенский язык святым Кирилом, а от Адама 6407. . .

сынов Израилев до умертвия царя Давида, от начала царства Соломона до Августа царя и до рождества Христова, до смерти и до Воскресения Господня, от Воскресения и до Возшествия на небеса и до царства Константинова, до первого собора и до седьмого, сия все добре сведаем. . .

Из приведенного сопоставления явствует, что ответ Александра представляет собою систематическую и вполне логическую выборку из хронографического (а не летописного) отрывка Никифорова летописца. Недоумение вызывает лишь пропуск в ответе Александра двух этапов мировой истории: царствования Александра Македонского и взятия Иерусалима, обычно соответствующих в самом хронографе Александрии и Повести Иосифа Флавия о взятии Иерусалима. В качестве догадки предполагаем, что эти два этапа мировой истории имелись в первоначальной редакции жития Александра Невского, в которой были сравнения Александра с образами Александрии и повести Иосифа Флавия, но исчезли при ее оцерковлении,¹⁵ при удалении из нее образов Александрии и повести Флавия.

Нас не должно удивлять то, что Александр Невский избрал для своего ответа послам папы столь странную и не идущую к делу на первый взгляд форму: хронографы в Древней Руси постоянно рассматривались как история вероисповедания по преимуществу. Хронографы обычно открывались статьями «Изложение о вере», «Святого Феодорита, как подобает креститься», «Указ, чесо ради поклоняемся на вѣсток».¹⁶ В состав древних компилятивных хронографов (Еллинского летописца второй редакции) входила, например, «Повесть въкратце полезна о Латынях, когда отлучишася

¹⁴ Год пропущен. Примеч. издателя.

¹⁵ См. гипотезу Н. Серебрянского (Древнерусские княжеские жития, с. 191 и след.), объясняющую особенности так называемой «особой» редакции (в списках Уваровском, № 514 (369), XVI в. и БАН, № 13.4.8. второй половины XVI в.).

¹⁶ См.: ПСРЛ, СПб., 1911, т. 2, ч. 1, с. 14—19.

от Грек и святых Божия церкви». В ней рассказывалось о Корюловых еретиках, развративших своим учением Рим, о судьбе Михаила Сингела и учеников его Феофана и Феодора, о папе Формосе; излагались основные заблуждения Латинской церкви (некоторые — фантастические), а затем рассказывалось о крещении Болгар, Руси (якобы во время похода Владимира на Царьград) и Угров с последующим их отпадением в латинство. Успехи латинства объяснялись, между прочим, военной слабостью Византии, вызванной нападением магометан. Здесь же упоминалось и о покорении Руси агарянами.

Как идейный оплот православия хронографы рассматривались и в византийской литературе. В предисловии к хронике Георгия Амартола говорилось о том, что цель книги — рассказать о «елинских философ еретичестве и складание басньных вер» и дать историю православия в борьбе с ересями: «манихейско бесовьствие», «на иконы шибеная ересь» — «откуда начаться и кде погрязе».¹⁷

Самые хронографические статьи, посвященные тому или иному византийскому императору, обычно имеют сведения о его православии или еретичестве, иногда выделяемые киноварью.¹⁸ Таким образом, в ответе Александра Невского папе римскому заключалась по существу хронографическая история православия и еретичества. Ссылка Александра Невского на всемирную историю должна, таким образом, рассматриваться как ссылка на Хронограф; по существу ответ Александра Невского, как мы видели, и был взят из Хронографа.

Тот же «Никифоров летописец вскоре», вернее его продолжение, отразился не только в основном тексте жития Александра Невского, но и в «Слове о погибели Русской земли». В самом деле, в «Слове о погибели Русской земли», как известно, император Мануил сделан современником Владимира Мономаха («жур Мануил царегородский опас имея, поне и великия дары посылаша к нему, абы под ним великий князь Володимер Царягорода не взял»),¹⁹ тогда как на самом деле он царствовал с 1143 по 1180 г. Объяснение этому находим в продолжении «Никифорова летописца вскоре». В русских рукописях²⁰ вслед за Никифоровым летописцем встречаем перечень византийских императоров с обозначением,

¹⁷ И с т р и н В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920, т. 1, с. 28.

¹⁸ См. например, Еллинский летописец из собрания Плигина: Рук. отд. БАН, № 33.8.13, л. 118, 118 об., 119, 121, 122, 123 об., 124, 124 об., 125, 125 об., 160, 204 об., 207, 230, 243 об. и др.; помню также о двух гипотезах, связывавших возникновение отдельных видов компилятивных хронографов с вероисповедными спорами: гипотеза В. М. Истрина о связи составления «Иудейского» хронографа со спорами против иудейства и гипотеза А. А. Шахматова о возникновении «Русского хронографа» в 1442 г. в связи с Флорентийской унией 1439 г.

¹⁹ Л о п а р е в Х. Слово о погибели Руския земли. Вновь найденный памятник литературы XIII в. — ПДП, 1892, т. 84, с. 24.

²⁰ См.: ПСРЛ, СПб., 1862, т. 9, с. XX. Ср. Еллинский летописец второй редакции (БАН, 33.8.13, л. 294—294 об.).

кто из них был православным, и кто нет. Перечень этот носит название: «Цари царствующие в Константине граде, православнии же и еретицы». Хронологические указания взяты в нем из Никифорова летописца. Важно при этом, что царствование Алексея Комнина определено в нем в семь лет и шесть месяцев вместо тридцати лет и пяти месяцев.²¹ Благодаря этой ошибке царствование Мануила отодвигалось на тридцать лет назад, и он оказывался современником Владимира Мономаха.²² И действительно, в Русском Хронографе, в части, взятой, по-видимому, из Еллинского летописца, мы встречаем следующий текст: «По Никифоре Ватаниоте царствова Алексей Комнин лет 7 и месяц 7. Православен»;²³ а затем, в связи с этой хронологией, в следующей, 189-й, главе: «При сем цари Мануиле в лето 6620 преставися Святополк Изяславичь, быв на великом княжении лет 21, и седе на великом княжении в Киеве Владимир Манамах, сын Всеволожь. . . и преставися Владимир Манамах в лето 6633. . . его же вся страны трепетаху».²⁴

Итак, «Никифоров летописец вскорее» дважды отразился в житии Александра Невского. Один раз в самом тексте жития, а другой раз в «Слове о погибели. . .», которое теперь уже, после открытия нового списка этого памятника, с известной долей вероятности можно считать вводной статьей к житию.

Сразу же отметим одно обстоятельство, которое окажется для нас важным в последующем изложении. «Никифоров летописец вскорее» в отдельных списках не встречается, он всегда входил в состав компиляций, цитировался в составе летописей, хронографов, кормчих. В частности, он входил в состав компилятивных хронографов домонгольской поры.²⁵ Мы видели выше, что летописный отрывок Никифорова летописца не мог оказать влияния на житие Александра, так как нами отмечено влияние тех его частей, которые в летопись не входили. Следовательно, остается предположить, что «Никифоров летописец вскорее» был известен автору жития либо в составе компилятивного хронографа, либо в составе кормчей.²⁶ Ряд признаков, как увидим ниже, указывает, что таким источником был именно компилятивный хронограф.

²¹ ПСРЛ, т. 9, с. XXI.

²² На Хронограф как на источник ошибки «Слова о погибели. . .» впервые указал И. Жданов (Русский былевой эпос. СПб., 1895, с. 97—98).

²³ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, с. 381.

²⁴ Там же, с. 386—387.

²⁵ «В состав этой энциклопедии (Еллинского летописца, по Шахматову. — Д. Л.) входил, между прочим, Никифоров летописец, что видно из его постоянной связи с Еллинским летописцем: ср. тождественное содержание в изложении данных о позднейших византийских императорах между некоторыми списками Никифорова летописца и списками II вида Еллинского летописца» (Шахматов А. Древнеболгарская энциклопедия X века. — В кн.: Византийский Временник. СПб., 1900, т. 7, вып. 1—2, с. 34).

²⁶ О Никифоровом летописце в последней см.: Степанов Н. В. Летописец вскорее патриарха Никифора в Новгородской кормчей. — ИОРЯС, 1912, кн. 2, с. 250—293; кн. 3, с. 256—320.

В своем исследовании Ипатьевской летописи акад. А. С. Орлов, указав влияние компилятивного (Еллинского и Римского) хронографа на вторую половину Ипатьевской летописи (за XIII в.), считал возможным предположить, что «если два—три произведения, отразившиеся на летописи, в то же время входили совместно в состав хронографа, то скорее всего они влияли на нее не своим отдельным текстом, а именно через хронограф, откуда иные из них нам только и известны».²⁷

В. Мансикка установил влияние на житие Александра Невского «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия,²⁸ Н. Серебрянский — «Александрии» псевдо-Каллисфена²⁹ и «Повести о Троянском пленении».³⁰ Все эти произведения, а также «Летописец Никифоров вскорее», влияние которого мы отметили выше, входили в обычный состав компилятивных хронографов домонгольской поры. Больше того, все перечисленные выше произведения в отдельном виде не встречались. О «Никифоровом летописце вскорее» в этом отношении мы уже говорили выше. Троянская история Дигениса Критского была известна только по 5-й книге Хроники Малалы, вошедшей в компилятивные хронографы домонгольской поры. Псевдо-Каллисфенова «Александрия» также входила в состав домонгольских компилятивных хронографов; отдельные поздние списки ее являются извлечениями из хронографов. Наконец, только в составе компилятивных хронографов была известна и «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия (в Еллинском летописце второй редакции; также в Архивском хронографе). Поэтому мы вправе предполагать, что перечисленные произведения, влияние которых на житие Александра может считаться прочно установленным, влияли не порознь, а в составе того же компилятивного хронографа.

Наше предположение может быть подкреплено и тем обстоятельством, что большинство указанных В. Мансиккой библейских параллелей к житию также входили в состав компилятивного хронографа. Например:

Х р о н и к а Г е о р г и я
А м а р т о л а
по изд. В. М. Истрина

Ж и т и е А л е к с а н д р а
Н е в с к о г о
по списку МДА, № 208

И увеличися Соломон паче всех
цесарь земельным богатством и умомъ;
и вси цесареви искаху видети лице

Но возраст его паче всех человек,
а глас его, яко труба в народе. . .
И се некто от западныхъ страны, иж

²⁷ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, 1926, т. 31, с. 96.

²⁸ Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 26—32. Ср. также: Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887, т. 1, с. 217.

²⁹ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития, с. 184 и след.

³⁰ Там же, с. 210 и др.

его и послушати глас его, и прихожаху приносяще кождо их на вся лет дары своя. . . (с. 145).

И глас слова его яко глас многаго народа (с. 161).

И царица Саваньская. . . услышавши имя его, приде в Иерусалим (с. 145).

Царица Ужеска приде от конец земли, да видить премудрость Соломону (с. 146).

И бе владыка [Соломон] всем царствам от реки Ефрата доже и до земли иноплеменьник и до предел Егупетских (с. 145).

Описание славы Соломона: «и далних стран доиде память твоя» (с. 146).

нарицаютца слуги Божия, и от тех приидоша, хотя видети дивный возраст его, якоже древле царица Южская приходила к Соломону царю, хотя слышати премудрость его, яко сей, именем Андрейашь, видев князя Александра Ярославичя, и возвратися ко своим и рече. . . (Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 2).

И начаша слышати имя великаго князя Александра Ярославича по всем странам и до моря Пешескаго и до гор Аравитских, обону страну Вряжьскаго и до Рима (Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 7).

Упоминаемый в житии Александра библейский рассказ о помощи ангелов царю Езекии против полчищ Сеннахерима также имеется в Хронике Амартола,³¹ входившей в состав компилятивных хронографов домонгольской поры. Впрочем, последняя параллель приводится также и в «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, также, как было уже упомянуто, входившей в состав компилятивных хронографов.

Кроме перечисленных выше произведений — «Александрии», «Повести о пленении Иерусалима», Троянской истории, Летописца Никифора и отдельных библейских параллелей, входивших в состав домонгольских компилятивных хронографов, — в житии Александра Невского отразилась также стилистическая манера повести о Девгении Акрите. Сопоставление повести о Девгении Акрите и жития Александра Невского было подробно проведено Н. Серебрянским,³² и основательность его не вызывает сом-

³¹ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. 1, с. 159.

³² Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития, с. 210 и др. Приведем некоторые параллели между житием и повестью о Девгении дополнительно к тем, которые были указаны Н. Серебрянским. «Сказание, како победи Девгений Василия царя» начинает рассказ так: «Некто бысть царь именем Василий и слышав о дерзости и храбрости Девгеневе, бысть яростен зело и желание имея велие како бы его добыти. . . и услышав Девген(и)еву дерзость, яростен бысть, борзе нарядив послы своя, посла грамоту, написав с ласканием прелестью. . .» (Сперианский М. Н. Девгениево деяние: К истории его текста в старинной русской письменности. — СОРЯС, 1922, т. 99, № 7, с. 145). Ср. начало рассказа жития о Невской битве: «И се слыша краль части Римския, от полунощныя страны, таковое мужество князя Александра Ярославичя, и рече: Пойду, поплению землю Александрову» (Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 2). Повесть и житие совпадают и в отдельных выражениях, например, в повести о Девгении: «един от них на сто наедет» (в сп. М.-П. и Т.), «един на сто человек наедет» (в сп. Пып.) и в житии: «сей наехавше на шняку», «сей наехав многожды бьяшася», «сей наехав на полк с мечем и мужествовал» (Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 4). В. Мансикка сопоставлял житие с Мусин-Пушкинским, Тихонравовским и Погодинским (изданным А. И. Пыпиным) списками «Девгениева Деяния». Некоторые общие места между ним, житием Александра Невского и Галицкой летописью отметим ниже.

нений. Между тем это едва ли не единственное крупное произведение (кроме, впрочем, Паремийного чтения о Борисе и Глебе, заимствования из которого в житии Александра Невского не показательны для его литературной традиции), отразившееся в житии помимо компилятивного хронографа: повесть о Девгении Акрите в состав древнейших компилятивных хронографов не входила.

Отметив влияние на житие Александра Невского ряда произведений, не порознь, а через компилятивный хронограф, и отдельно повести о Девгении Акрите, обратим внимание на следующее обстоятельство. Компилятивный хронограф сходного состава, как выяснено акад. А. С. Орловым, отразился в Ипатьевской летописи первой половины и середины XIII в. Тем значительнее, что повесть о Девгении Акрите, как это отмечено в исследовании М. Н. Сперанского, также сходна по своей стилистической манере с Ипатьевской летописью за тот же период.

Повесть о Девгении Акрите принадлежит к числу типично южнорусских памятников, близких по своим художественным средствам и языку к таким произведениям, как «Александрия» (в I ред.), как «Повесть о пленении Перусалима», Ипатьевская летопись и хроника Малалы.³³ По уточнению акад. А. С. Орлова, перевод повести о Дигенисе сделан, вероятнее всего, в Галицко-Волынской области.³⁴

Таким образом, не может быть сомнения в том, что повесть о Дигенисе входила в тот же круг южнорусских памятников, литературная манера которых отразилась и в житии Александра, и в Галицкой летописи.

Такое соответствие литературных памятников, отразившихся в Галицкой летописи и в житии Александра, вынуждает нас поискать, помимо окольных, и непосредственных сходств между Галицкой летописью и житием Александра.

3

Приведем примеры параллелей к житию Александра Невского, отыскиваемых только в Галицкой летописи. В житии Александра дважды говорится о степных народах, которые пугают своих детей именем русского князя: в «Слове о погибели. . .» говорится о Мономахе, «которым то половоци дети своя ношаху (описка вм. «страшаху») в колыбели»;³⁵ и в собственно житии то же говорится об Александре: «. . .проиде весть до усть Волги, и начаша жены Маявидския полошати дети своя рекуще, едет князь Александр

³³ С п е р а н с к и й М. Н. Девгениево Деяние, с. 59 и след. М. Н. Сперанский отмечает «особенно частое совпадение в выражениях и способе их употребления с южно-русскими летописями XII—нач. XIII в.» (там же, с. 78).

³⁴ О р л о в А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи, с. 93.

³⁵ Л о п а р е в Х. Слово о погибели Руския земли, с. 22.

Ярославичь». ³⁶ Единственная параллель к этим двум местам жития может быть указана только в Галицкой летописи под 1252 г., где об отце Даниила — Романе вспоминается: «. . . иже бе изострился на поганья, яко лев, им же половци дети страшаху». ³⁷

Так же только в Ипатьевской летописи находятся самые близкие параллели к встрече Александра псковичами: «. . . и сretoша его со кресты игумене и попове в ризах, народ мног пред градом, подавающе хвалу богови, *поюще песнь и славу государю*, великому князю Александру Ярославичу». ³⁸ Встречи победителя ликующим народом не редкость в летописях, ³⁹ но только в Галицкой летописи, как и в житии Александра, победителю при встрече поют славу. Такова в Галицкой летописи концовка повествования о походе Даниила и его брата Василька на ятвягов под 1251 г.: «. . . и *песнь славу* пояху има, богу помогшу има, и придоша со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великого Романа. . .».

Путешествие Даниила к Батыю в Орду и путешествие Александра к Батыю в Орду сопровождаются сходными замечаниями о славе Даниила и Александра; в Галицкой летописи о Данииле: «. . . бысть же ведомо странам приход его всем ис татар»; ⁴⁰ в житии об Александре: «И бысть грозен приезд его. Проиде весть до усть Волги». ⁴¹

Послы папы пришли к Даниилу с благословением, королевским венцом и саном королевства, *«хотяще видети князя Данила»*. ⁴² Так же точно к Александру приходит «некто от западных страны», *«хотя видети дивный возраст его»*. ⁴³

Между житием Александра и Галицкой летописью отчетливо устанавливается сходство в стиле, в манере описывать военные действия, битвы, подвиги князя. «Краль части Римския» в житии Александра идет на него, собрав «силу велику» и наполнив корабли полками, «и поиде в силе велице, пыхая духом ратным. И преиде реку Неву, шатаяся безумием, посла послы разгордевся ко князю Александру Ярославичю в Новъгород в Великий и рече: Аще можеш ми противитися, уже есмь zde, поплению землю

³⁶ Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 22.

³⁷ Ипатьевская летопись, 1252 г.; даты второй части Ипатьевской летописи, как известно, неверны. К этому месту жития В. Мансикка (с. 20) приводит следующие библейские параллели: «. . . проеслось имя Давидово по всем землям и Господь сделал его страшным для всех народов» (I Пар., XIV, 17); сам Давид говорит о себе: «. . . по слуху обо мне повинуются мне; иноплеменники бледнеют и тремещут в укреплениях своих» (II Цар., XXII, 45). Однако параллели эти, как сразу видно, весьма далеки от соответствующих мест жития.

³⁸ Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 6—7 (здесь и далее курсив мой. — Д. Л.).

³⁹ Лаврентьевская лет., 6654 г.; Ипатьевская лет., 6611, 6620, 6654, 6659 гг.

⁴⁰ Ипатьевская лет., 1250 г.

⁴¹ Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 7.

⁴² Ипатьевская лет., 1254 г.

⁴³ Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 2.

твою».⁴⁴ Ср. в Галицкой летописи выступление венгерского короля против Даниила: «Изыде же Бела рикс, рекъмый король Угорьский, в силе тяжьце, рекшу ему: яко не иметь остатися град Галичь, несть кто избавляя и от руку моею».⁴⁵

Александр, прежде чем выйти навстречу шведам, отправляется в Софию Новгородскую, молится там, а затем устремляется на врагов с немногую дружиною: «. . . и поиде на ня в мале дружине, не сождавсья со многою силою своею, уповая на святую Троицу».⁴⁶

Так же точно поступает и Даниил перед битвой с венграми: «Помолившу же ся ему [богу] и святей пречистой богородици, Михаилу архангелу божию, устремися изыти со малом ратник».⁴⁷

Александр «скоро поеха» навстречу врагам, «ускори князь велики поити»;⁴⁸ так же и Даниил: «Данилови же рекшу, яко же Писание глаголеть: мьдляй на брань страшливу душу имать, — понудив их [своих ратников], ускорити снити на не».⁴⁹

Сама битва Александра со шведами описывается с тою же подробностью, что и битва Даниила с венграми 1231 г. В описании битвы Даниила с венграми говорится о подвигах его самого («вобде копье свое в ратьного изломившу же ся копью и обнажи мечь свой») ⁵⁰ и некоторых участников, о захвате королевского стяга и т. д.

В житии Александра в древнейшей его версии (в Софийской I летописи) подчеркивается незначительность потерь в войске Александра и перечисляются наиболее известные из убитых: «. . . новгородцев же ту паде: Костянтин Луготиничь, Юрята Пиняциничь, Намест, Дрочило Нездилов сын кожевников, а всех 20 мужь паде и с Ладожаны, или менши, то бог весть».⁵¹ Ср. в Галицкой летописи: «. . . тех бо падших много угор, а Даниловых мало бояр, их же имена се быща: Радислав Юрьевичь, Моиси, Степан брат его, Юрьи Яневичь».⁵²

В житии Александра перечисляются храбрецы («храбрые») из дружины Александра: «Первый именем Гаврило Олексенич. . . Другой новгородец именем Збыслав Якунович. . . Третий Яков полочанин, ловец бе у князя. . . Четвертый новгородец именем Миша. . . Пятый от молодых людей, именем Сава. . . Шестый

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Ипатьевская лет., 1229 г. Ср. также: «Выйде Филя, древле прегордый надеяся объяти землю, потребити море» (там же, 1221 г.); «Филя же строящяся на брань, мяше же бо яко никто может стати противу ему на брани» (там же, 1219 г.).

⁴⁶ М а н с и к к а В. Житие Александра Невского, с. 2.

⁴⁷ Ипатьевская лет., 1231 г. Ср. еще: «Данилови же приехавшу в мале дружине» (Ипатьевская лет., 1219 г.).

⁴⁸ М а н с и к к а В. Житие Александра Невского, с. 3.

⁴⁹ Ипатьевская лет., 1231 г. Ср. также: «Данил же. . . скоро собрав полкы поиде», (1234 г.); Даниил и Василько «скоро собравше вои, поидоста» (на Литву; под 1249 г.).

⁵⁰ Ипатьевская лет., 1231 г.

⁵¹ Софийская I летопись, 1240 г.

⁵² Ипатьевская лет., 1232 г.

от слуг его, именован Ратмил». ⁵³ Перечисление ратников или воевод не редкость в летописях, но только в Галицкой летописи находим аналогичное перечисление с порядковыми числами в описании выступившего в поход войска венгерского короля: «. . . имена же бывши(м) воеводам с ним: первый Петр Туровичь, второй Банко, трети Мика Брадатый, четвертый Лотахарот, пятый Мокъян, шестый Тибрець, седмы Мароцел, и инии мнозии. . .». ⁵⁴ Между Ипатьевской летописью и житием Александра можно наблюдать и некоторые фразеологические соответствия. Сравним, например, эпитет «милый», вообще характерный для южнорусских памятников (повесть о Дигенисе, «Слово о полку Игореве»), но и в житии Александра, и в Галицкой летописи употребленный в одном и том же сочетании: «милый сын». В Галицкой летописи: «. . . приял бо бе Данила, како *милаго сына своего*»; ⁵⁵ ср. в житии: «. . . не бе ведал такового востания на *сына своего милаго*». ⁵⁶ Ср. также эпитет «острый» в Галицкой летописи: «. . . *острый мецю, борзый коню*» ⁵⁷ и в житии: «. . . *острым своим копием*». ⁵⁸ И для Галицкой летописи, и для жития Александра характерны тавтологические сочетания; например, в Галицкой летописи Даниил «победою победи Ростислава», ⁵⁹ «многом множеством силы своей»; ⁶⁰ сравним в житии Александра: «укори а укором», ⁶¹ «побеждая непобедим» ⁶² и др.

Обращает на себя также внимание близкое сходство традиционных формул воинских повестей. Формулы эти, как было исследовано А. С. Орловым, часты в летописи. Замечательно, однако, что, приводя параллели к воинским формулам жития, В. Мансикка останавливается по преимуществу на примерах из Ипатьевской летописи. Дополнительно к материалам В. Мансикки укажем еще на некоторые. Так, например, для Галицкой летописи характерно определение множества войска по тому, что войско покрывает все поле битвы: «якоже покрыти воде быти от множества людей», ⁶³ «наутрея же собращася вси Ятвязе, пешци и снузници, мнози зело, яко и лесом их наполънитися»; ⁶⁴ «и бысть рать велика, якоже наполнити болота Ятвяжска полком». ⁶⁵ Ср. в житии Александра: «. . . поиде противу их, и множеством обоих вои

⁵³ С е р е б р я н с к и й Н. Древнерусские княжеские жития, с. 113—114.

⁵⁴ Ипатьевская лет., 1208 г.

⁵⁵ Там же, 1202 г.

⁵⁶ М а н с и к к а В. Житие Александра Невского, с. 3. Ср. также в повести о Дигенисе «чадо мое милое» (С е р е б р я н с к и й Н. Древнерусские княжеские жития, с. 136).

⁵⁷ Ипатьевская лет., 1217 г.

⁵⁸ М а н с и к к а В. Житие Александра Невского, с. 4.

⁵⁹ Ипатьевская лет., 1250 г.

⁶⁰ Там же, 1240 г.

⁶¹ М а н с и к к а В. Житие Александра Невского, с. 2.

⁶² Там же.

⁶³ Ипатьевская лет., 1224 г.

⁶⁴ Там же, 1251 г.

⁶⁵ Там же, 1256 г.

покрыша езеро, глаголемое Чюдское». ⁶⁶ Отметим также некоторые общие и для жития, и для Галицкой летописи заимствования из Иосифа Флавия. Например, в житии Александра: «и бысть сеча зла и труск от копей (в рукописи: «коней») и ломление и звук от мечнаго сечения»; ⁶⁷ ср. в Галицкой летописи: «и ту беаше видити лом копейныи и щит скепание», ⁶⁸ или: «копьем же изломившимся, яко от грома тресновение бысть, и от обоих же мнози падше с коний и умроша, и инии уязвени быша от крепости ударения копейного»; ⁶⁹ ср. у Иосифа Флавия при осаде Иотопаты: «и быс[ть] видети лом конийн[ы] и скрежтание мечное и щит ископани». ⁷⁰

Наконец, между житием Александра и Галицкой летописью есть существенное композиционное сходство. Как отмечено Л. В. Черепниным, ⁷¹ Ипатьевский список в части с 1202 г. по 50-е гг. XIII в. включает в себе жизнеописание Даниила. Это жизнеописание не было разделено на погодные статьи (даты, как известно, проставлены уже составителем Ипатьевской летописи) и начиналось с лирического вступления, посвященного предкам Даниила и бывшему могуществу Русской земли. Характерно, что это вступление к жизнеописанию Даниила многими чертами напоминает «Слово о погибели Русской земли», которое также носит характер своеобразного лирического вступления к житию Александра.

Предисловие к жизнеописанию Даниила начинается с воспоминаний о бывшем могуществе Русской земли при отце Даниила Романе и деде его Владимире Мономахе. Мономах погубил поганые Измаильяны, «рекомыя половци», и изгнал их хана Отрока «во Обезы за Железная врата». ⁷²

Тем же прославлением бывшего могущества Русской земли начинается и «Слово о погибели. . .». Здесь перечисляются пространства, покоренные «деду» Александра — Владимиру Мономаху. Главная заслуга Мономаха и тут и там — это страх, который он нагнал на врагов Руси, в первую очередь на половцев: в «Слове о погибели. . .» Владимиром «половоци дети своя ношаху (очевидно испорченное из «страшаху») в колыбели, а Литва из болота на свет не выныкываху, а угры твердыху каменни города железными вороты, абы на них великыи Володимер тамо не въехал, а немци радовахуся, далече будуче за синим морем». ⁷³

От величественного прошлого оба вступления переходят к печальному настоящему: вступление к жизнеописанию Даниила

⁶⁶ С е р е б р я н с к и й Н. Древнерусские княжеские жития, с. 115.

⁶⁷ М а н с и к к а В. Житие Александра Невского, с. 6.

⁶⁸ Ипатьевская лет., 1240 г.

⁶⁹ Там же, 1249 г.

⁷⁰ I s t r i n V. La prise de Jérusalem de Joséphe le Juif. Paris, 1934, t. 1, p. 220 et 222.

⁷¹ Ч е р е п н и н Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — Исторические записки, 1941, № 12, с. 228—253.

⁷² Ипатьевская лет., 1201 г.

⁷³ Л о п а р е в Х. Слово о погибели Рускыя земли, с. 22—23.

говорит о великом мятеже в земле Русской; «Слово о погибели. . .» напоминает о «болезни крестяном» последних дней.⁷⁴

В дальнейшем и жизнеописание Даниила, и житие Александра в моменты наибольшей опасности для своих героев вспоминают их предков. Так, например, описание пребывания Даниила в Орде сопровождается следующим лирическим восклицанием автора: «О злая честь Татарская! *Его же отец* бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все, сын того не прия чести, то иной кто может прияти?»⁷⁵ Ср. в житии Александра перед битвой со шведами: «Жалостно слышати, яко *отец его* Ярослав честный, великий, не бе ведал такового востания на сына своего милаго, великаго князя Александра Ярославича».⁷⁶ Еще ближе к жизнеописанию Даниила то место «новой» (древнейшей) редакции жития Александра, где воспоминание об отце Александра — Ярославе — связано с путешествием Александра к Батью, т. е. в том же сочетании, что и в жизнеописании Даниила: «Якоже бо по первом велицем взятъи Тотарьстем *отец его* великий князь Ярослав. . . сам себе не пощаде, предасть бо ся сам за люди своя в великую и темную и пагубную землю и много пострадав за землю отъчины своея, обажен бысть Федором Яроновичем и многы дни пострадав, и тако с миром дух предасть. Тако же и сын Александр не остави пути отца своего за люди своя, за тыя же много пленения прият. . .».⁷⁷

К сожалению, жизнеописание Даниила Галицкого не было доведено до его смерти; поэтому мы лишены возможности судить о композиции жизнеописания Даниила в целом, но предполагать, что житие Александра заканчивалось в южнорусской манере, некоторые основания все же имеются. Дело в том, что к известному образному сравнению митрополитом Кириллом Александра с закатившимся солнцем Суздальской земли в исследованиях жития Александра Невского⁷⁸ были приведены лишь две параллели — и обе из Ипатьевской летописи. Одна — в описании смерти Мстислава Ростиславича под 1179 г.: «уже бо солнце наше заиде ны и во обиде всем остахом»; другая — в описании смерти Володимера Васильковича под 1288 г.: «уже бо солнце наше заиде ны и во обиде всем остахом». В последнем случае мы имеем не простое совпадение или заимствование, а несомненную южнорусскую литературную традицию в описании смертей, что доказывается другими словами в описании смерти Володимера Васильковича: «и приложися ко отцемъ своим и дедом, отдав общий долг, его же

⁷⁴ Возможно, что имеется также связь между стоящими в начале «Слова о погибели. . .» словами «о смерти великого князя Ярослава» и первыми словами статьи 1201 г. Ипатьевской летописи: «По смерти же великого князя Романа». В «Слове о погибели. . .» значение упоминания смерти Ярослава не ясно.

⁷⁵ Ипатьевская лет., 1250 г.

⁷⁶ Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 3.

⁷⁷ Там же, с. 13.

⁷⁸ Там же, с. 39.

несть убежати всякому роженому». ⁷⁹ Приведенные слова читаются также в описании смерти Святослава Ростиславича, ⁸⁰ Мстислава Ростиславича, ⁸¹ Романа Ростиславича, ⁸² Всеволода Святославича ⁸³ и Давыда Ростиславича. ⁸⁴

Сравнением умершего Александра с закатившимся солнцем сходство описания смерти Александра с соответствующими местами Ипатьевской летописи, однако, не ограничивается. В житии Александра автор его горюет: «аще бы жив с ним во гробе влезл», ⁸⁵ так же точно плачут по Мстиславе новгородцы: «добро бы ны, господине, с тобою умерети. . .» ⁸⁶ и так же плачут по Владимиру Васильковичу владимирцы: «добро бы ны, господине, с тобою умерети. . .». ⁸⁷ Таким образом, в житии Александра оба эти места находятся в том же сочетании, что и в Ипатьевской летописи (сперва желание умереть вместе с погребаемым, затем сравнение его с солнцем); это говорит о том, что перед нами не случайное совпадение, а литературная традиция.

Однако в целом между жизнеописанием Даниила и житием Александра имеется весьма существенное различие. Жизнеописание Даниила, несомненно, подробнее и пространнее. Оно составлено очевидцами всего жизненного пути Даниила до 50-х гг. XIII в. и осталось не законченным. Житие Александра несравненно короче. Оно написано «самовидцем» его «возраста», но все его начало (до 50-х гг. XIII в. во всяком случае) принадлежит не очевидцу, а воспроизведено по рассказам самого Александра или его современников. ⁸⁸ Как увидим ниже, именно это различие на самом деле теснее и конкретнее всего связывает жизнеописание Даниила с житием Александра.

⁷⁹ Ипатьевская лет., 1288 г.

⁸⁰ Там же, 1172 г.

⁸¹ Там же, 1179 г.

⁸² Там же, 1180 г.

⁸³ Там же, 1196 г.

⁸⁴ Там же, 1198 г.

⁸⁵ М а н с и к к а В. Житие Александра Невского, с. 9.

⁸⁶ Ипатьевская лет., 1179 г.

⁸⁷ Там же, 1288 г.

⁸⁸ Вполне отчетливо представить себе, кто был автором, по житию нельзя, но некоторые сведения о нем все же могут быть добыты. Напомним основные: автор был «самовидец возраста» Александра (Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития, с. 110; М а н с и к к а В. Житие Александра Невского, с. 1), т. е. его внешности (а не юности или роста, как толкует В. Л. Комарович (История русской литературы: В 10-ти т., т. 2, ч. 1, с. 55); ср. у Малалы: «и видево ю и доброту ея и възраст» (Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Одесса, 1903, кн. 2, с. 45)). О первоначальных годах княжения Александра автор писал по рассказам (в списке ГБЛ, собр. Олонецкой семинарии, № 15 в предисловии сказано, что он писал то, что слышал «от своих отец домочадец» (Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. Тексты, с. 110)). Автор не был очевидцем битв Александра. В рассказе о Невской битве он говорит: «. . .спи же вся слышав (вар. слышахом) от господина своего князя Александра Ярославича и от иных же в то время обретошася в той же сечи» (М а н с и к к а В. Житие Александра Невского, с. 5). В рассказе о Чудской битве он говорит, что все сведения о ней он получил от «самовидца» (там же, с. 6). Автор не сопровождал Александра и в его поездке к Батыю.

Возможные пути книжных связей Галича и северо-востока Руси начала второй половины XIII в. могут быть прослежены довольно точно. Звеном, связующим Галицкую Русь и Владимиро-Суздальскую, был митрополит Кирилл II,⁸⁹ переехавший в 1250 г. с юга от Даниила к Александру Невскому.

Кирилл II, как известно, был на митрополичьей кафедре ставленником Даниила Галицкого. Близость Кирилла к Даниилу возникла, по-видимому, задолго до его поставления в митрополиты. М. Д. Приселков видит будущего митрополита Кирилла в «печатнике», т. е. канцлере, Даниила. М. Д. Приселков пишет: «Кирилл был киевский митрополит, ставленник галицкого князя Даниила из числа его ближайших сотрудников, бывший печатник Даниила».⁹⁰ На чем основывает М. Д. Приселков такое категорическое отождествление, осталось у него нераскрытым, но правдоподобность его не вызывает сомнений: совпадение имени «печатника» Кирилла, действовавшего, по летописи, в 1241 г., и имени Кирилла, названного в летописи под 1243 г. «митрополитом» (очевидно, будущим митрополитом — «нареченным»), но выполнявшего те же функции «печатника» — канцлера, думается, не случайно.

«Печатниками», или канцлерами, в Византии обычно были духовные лица. «Печатник Кирилл» — также лицо духовное. Это можно заметить по разным косвенным признакам. Так, например, предводительствуя войсками, Кирилл, во-первых, не водит их непосредственно сам в битву и, во-вторых, стремится действовать миролюбивыми средствами. В Бакоте Кирилл сперва обращается к своим противникам с пространною речью. Приведя часть его речи, летописец прибавляет: «иними словесы мудрыми глаголаста ему много».⁹¹ Видя отступление противников, печатник Кирилл отказывается от их преследования и удерживает за собой Бакоту «мудростью и крепостью». В другой раз, подойдя к Дядькову с 3000 пехоты и 3000 конницы, Кирилл не ведет их в бой непосредственно сам, а как лицо духовное лишь «разрешает» им взять Дядьков: «и водасть им взяти Дядьков град».⁹²

Насколько мы можем судить по кратким заметкам Ипатьевской летописи под тем же 1241 г., «печатник» Кирилл выполнял и чисто литературные поручения Даниила. Даниил послал Кирилла в Бакоту «исписати грабительства нечестивых бояр».⁹³ Как доказывает Л. В. Черепнин (в существо его доказательств

⁸⁹ Следует иметь в виду, что митрополит Кирилл II в литературе иногда также называется Кириллом III.

⁹⁰ П р и с е л к о в М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 104.

⁹¹ Ипатьевская лет. под 1241 г.

⁹² Там же. См.: С о к о л о в Пл. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, с. 160.

⁹³ Ипатьевская лет. под 1241 г.

сейчас не вхожу), выполненный Кириллом литературный отчет о боярских крамолах и о борьбе Даниила с Польшей и Венгрией составляет основное содержание Ипатьевской летописи почти за два десятилетия.⁹⁴

Кириллу неоднократно приходилось выполнять сложные дипломатические поручения Даниила еще прежде своего поставления в митрополиты. Наконец, в 1250 г. Кирилл отправился на посвящение в Никею.⁹⁵ Проезжая через Венгрию, он вел переговоры с венгерским королем Белой IV о женитьбе сына Даниила — Льва на дочери Белы, что было связано с рядом важных государственных вопросов.

Не будем вдаваться в подробности отношений Кирилла и Даниила. Как известно, отношения эти были очень тесными, и поставление Кирилла на пустовавшую митрополичью кафедру входило в планы Даниила распространить свое влияние на Киев. Тем более странным кажется то обстоятельство, что Кирилл вскоре после своего поставления навсегда покидает Даниила и переезжает на северо-восток к Александру Невскому. Поездка Кирилла совершается с согласия Даниила, так как он взял с собой дочь Даниила — невесту Андрея Ярославича.⁹⁶ Однако вряд ли в планах Даниила было навсегда отпустить из-под своего влияния митрополичью кафедру.

Как правильно предполагал М. Д. Приселков, почти тридцатилетнее проживание Кирилла на севере не было случайностью.⁹⁷ Не буду вдаваться во все тонкости объяснения М. Д. Приселковым политики Даниила и Александра Невского, приведшей к тому, что Кирилл предпочел остаться у Александра. Для цели настоящей статьи важен лишь один несомненный факт, засвидетельствованный и русскими и иностранными источниками, — факт начавшегося в 1250-х гг. (после отъезда Кирилла) союза Даниила и папы — союза, который не мог встретить и не встретил сочувствия в русском духовенстве.⁹⁸

Действительно, в середине 40-х гг. XIII в. в период вакантности митрополичьей кафедры между Даниилом и папой велись

⁹⁴ Начиная с 20-х гг. XIII в. См.: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого, с. 245—252.

⁹⁵ О поставлении Кирилла см. Ипатьевскую и Лаврентьевскую летописи под 1250 г.; Голубинский Е. История русской церкви. М., 1900, т. 2, вып. 1, 2, с. 53—55; Терновский Ф. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к Древней Руси. Киев, 1876, вып. 2, с. 12 и др.

⁹⁶ В последнее время был высказан взгляд, что Кирилл отправился к Александру Невскому в качестве посланца Даниила. Возможно, конечно, что у Кирилла были дипломатические поручения, но чем объяснить, что Кирилл остается на севере и после смерти Александра Невского? См.: Югов А. Даниил Галицкий и Александр Невский. — Вопросы истории, 1945, № 3—4, с. 99—107. В статье много неточностей. Смешаны, например, два митрополита Кирилла (известия 1228 и 1230 гг., приведенные на с. 103 статьи, относятся не к митрополиту Кириллу II, а к Кириллу I, умершему на митрополии в 1233 г., и т. п.).

⁹⁷ Приселков М. Д. История русского летописания. . . , с. 104.

⁹⁸ Замечательно, например, что все переговоры об унии ведутся исключительно от лица самого Даниила.

переговоры. В частности, посольство Иннокентия IV в Монголию вело переговоры об унии с Васильком, а на обратном пути с Даниилом. Эти переговоры не были успешными.⁹⁹ Однако в 1252 г. в отсутствие Кирилла переговоры Даниила с Римом о союзе и о королевском венце возобновились. Даниил согласился принять от папы королевский титул на условиях помощи против татар: «рять татарская не престаеь зле живущи с нами, — отвечал Даниил папе: — то како могут прияти венець без помощи твоей».¹⁰⁰

В 1253 г.¹⁰¹ произошла коронация Даниила,¹⁰² совпавшая с усиленной пропагандой папой крестового похода на татар. Грамоты папы были получены в Богемии, Моравии, Сербии, Померании. Грамоту папы получил, очевидно, и Александр Невский: ту самую, отрицательный ответ на которую так подчеркнут в его житии. Кирилл находился в это время у Александра Невского. Естественно, что он навсегда порвал с Даниилом, связав свою дальнейшую судьбу с Александром Невским. С ним он был в тесных дружественных отношениях. Его он ставил на великое княжение во Владимире.¹⁰³ Тело его он встретил и отпел во Владимире в 1262 г. Наконец, его, Александра, назвал он «солицем земли Суздальской», выразив тем самым высшую меру своей любви к нему.

На северо-востоке Кирилл не оставляет своих литературных трудов. Как предполагает М. Д. Приселков,¹⁰⁴ по его инициативе ведется в Переяславле-Залесском митрополичье летописание. Во всяком случае, Лаврентьевская летопись за 70-е гг. сохраняет многочисленные признаки близости летописца к митрополиту. Между прочим, в 1274 г. во Владимире митрополит Кирилл созвал церковный собор, на котором обсуждались различные недостатки тогдашней церковной жизни. Результатом этого собора явилось «Правило Кирилла, митрополита русского», дошедшее до нас, очевидно, лишь частично. Во вступлении к «Правилу» дана известная картина положения Руси: «Не расея ли ны бог по лицу всея земля? — говорит Кирилл. — Не взяти ли быша гради наши? Не падоша ли сильнии наши князи остриемь меча? ¹⁰⁵ Не поведени ли быша в плен чада наша? Не запустеша ли святыя божия церкви? Не томими ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых

⁹⁹ Отсылаю за подробностями к обстоятельной работе Н. Дашкевича «Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католичеством» (Университетские известия, Киев, 1884, № 8, с. 136—181).

¹⁰⁰ Ипатьевская лет., под 1255 г.

¹⁰¹ Г р у ш е в с ь к и й М. Хронологія подій Галицько-Волинської Літописи. — Записки Наукового Товариства імени Шевченка, Львів, 1901, т. 41, кн. 3, с. 36—37.

¹⁰² «Он же венець от бога прия, от церкви святых апостол и от стола святого Петра, и от отца своего папы Некентия» (Ипатьевская лет., под 1255 г.).

¹⁰³ «И посади его (Александра) пресвященный Кирилл митрополит на великом княжении во Владимире на столе отца его» (Никоновская лет., под 1252 г.).

¹⁰⁴ П р и с е л к о в М. Д. История русского летописания. . . , с. 104.

¹⁰⁵ Ср. в Ипатьевской лет. под 1217 г.: «Острый мецю, борзый коню».

поган? Си вся бивають нам, зане не храним правил святых наших и преподобных отець». ¹⁰⁶

Кирилл явился к Александру не один. Недовольных церковною политикою Даниила было, очевидно, немало. Естественно, что многие из них спаслись от угрозы унии, переехав на северо-восток Руси под покровительство своего сильного земляка Кирилла. Среди этих переехавших к Кириллу представителей духовенства были, очевидно, и люди книжные. ¹⁰⁷ Знаменательно, что с середины 50-х гг. XIII в. официальное галицкое летописание явно хиреет. ¹⁰⁸

Вне всякого сомнения, Кирилл имел отношение к составлению жизнеописания Александра. Он мог быть и автором, но вернее всего он заказал житие кому-нибудь из проживавших на севере галицких книжников. Во всяком случае в Псковско-Печерской редакции жития Александра, одной из самых важных для определения первоначального его вида, прямо говорится: «. . . се же бысть проповедано всем от Кюрила митрополита святителя и от иконома его Савастиаца». ¹⁰⁹

Тем самым объясняются многие особенности жития Александра Невского. Житие несет в себе западнорусскую, галицкую литературную традицию, так как из Галича был его автор. Оно близко по форме к жизнеописанию Даниила, так как именно это жизнеописание было ближе всего знакомо самому Кириллу, когда-то вложившему свой труд в его составление. Оно пользуется как своим литературным образцом компилятивным хронографом типа Еллинского летописца, так как именно на этом образце воспитывались литературные вкусы его автора. Оно носит по преимуществу светский характер, так как следовало светским образцам. Оно написано не очевидцем подвигов Александра, так как автор его приехал на северо-восток после 1250 г. В нем многое написано со слов самого Александра, и это понятно, так как сам митрополит Кирилл и его двор были близки к Александру. Автор его радуется тому, что Александр ответил папе решительным отказом, и это также понятно, так как именно согласие на унию с папой Даниила вынудило автора покинуть Даниила и остаться у Александра. Вот почему и враги Александра — шведы — называются в житии не по национальному, а по вероисповедному признаку «римлянами». В своем ответе римскому папе Александр пользуется советом своих «мудрецов», ¹¹⁰ т. е. несомненно тех же вновь

¹⁰⁶ РИБ, 1880, т. 6, с. 83.

¹⁰⁷ Переезд этот совершался не только в 50-х гг. XIII в., но и значительно позднее. Так, под 1274 г. в Симеоновской летописи записано, что Серапион (знаменитый Серапион Владимирский) был поставлен епископом «Ростову, Владимиру и Новугороду».

¹⁰⁸ Л. В. Чернин считает, что упадок галицкого летописания начинается с 1256—1257 гг. (Летописец Даниила Галицкого, с. 232 и след.).

¹⁰⁹ С е р е б р я н с к и й Н. Древнерусские княжеские жития. Тексты, с. 120.

¹¹⁰ Книжники и писатели постоянно называются в хронографе «мудрыми», «премудрыми» и т. д. См.: И с т р и н В. М. Первая книга Хроники Иоанна

переехавших на север из Галичины книжников, сумевших использовать в своем ответе папе главный источник своей литературной учености — хронограф.

5

Мы рассмотрели выше западнорусскую литературную традицию в житии Александра Невского и возможные пути, по которым эта литературная традиция могла передаться из Галичины на северо-восток. Нам остается только показать на конкретном примере, что такая передача была действительно возможна и осуществлялась в других случаях.

В своем исследовании «К вопросу об Ипатьевской летописи» акад. А. С. Орлов для определения переводных хронографических источников Ипатьевской летописи преимущественное значение отдает так называемому Архивскому хронографу (Архив М-ва иностр. дел, № 902—1468, теперь № 279—658), составленному в 1262 г., как раз накануне смерти Александра Невского. Подведем итоги тем данным, которые могут считаться прочно установленными в отношении этой рукописи.

Состав этого Архивского сборника определяется акад. А. С. Орловым следующим образом: судя по оглавлению, он «состоял из пяти статей: 1) Толковый Апокалипсис; 2) Компилятивный Хронограф, составленный из Библейских книг, хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, Александрии и Истории Иудейской войны Иосифа Флавия;¹¹¹ 3) Русский „летописец“ (посл. сб. 1213 г.); 4) „Соборник“ типа Изборника Святославова 1073 г., с добавлением впереди полемической статьи о латине и статьями церковно-юридическими; 5) болгарский перевод „Пчелы“, сделанный по манере Евфимия Тырновского. Из этих статей сохранились лишь 2-я и 3-я, т. е. хронограф и русский „летописец“, названный „Летописцем русских царей“. Можно с достаточной вероятностью ут-

Малалы. — Зап. имп. АН, сер. VIII, историко-филологическое отд., СПб., 1897, т. 1, № 3: с. 6, 8 (трижды), 14, 17, 18 (дважды); И с т р и н и В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. 2: с. 465, 467, 469, 471, 473 (четырежды), 474, 476 (дважды), 478 (дважды), 481 (трижды), 483 (дважды), 486 (трижды) и т. д. В Ипатьевской летописи, очевидно, не без влияния хронографа, книжник Тимофей также называется «премудрый» (Ипатьевская лет., под 1205 г.). В употреблении этого термина в житии Александра Невского видим, следовательно, еще один пример влияния компилятивного хронографа типа Еллинского летописца с Малалой, как одной из главных его составных частей.

¹¹¹ На л. 199—210 в Архивском хронографе имеется пятая книга Малалы с Троянской историей; на л. 311—342 — «Александрия»; «Повесть о разорении Иерусалима» перемежается с выписками из Малалы. На л. 280—281 дан рассказ о нашествии Сенахирима из хроники Амартола; на л. 246—247 перечисляются храбрейшие из воинов Давида (из хроники Амартола). Кроме того, в Архивском хронографе имеются и те места Библии, с которыми сопоставляется житие Александра. Таким образом, основной круг литературных источников жития Александра Невского (за исключением повести о Девгении — о ней выше) в Архивском хронографе налицо.

верждать, что первоначальный сборник, которым воспользовалась Архивная рукопись, состоял из Толк. Апокалипсиса, Хронографа, Русского летописца и Соборника, происходил из Галицко-Волынской области и относился ко 2-й половине XIII в.; веке же в XV к этим статьям была присоединена „Пчела“. О Галицко-Волынском происхождении и о XIII в. этого сборника свидетельствует следующее. В той части Хронографа, где рассказ из хроники Малалы разрезывает XI главу книги Бытия, помещено сведение о литовских божествах с датой, которая объясняется как 1262 г.¹¹² Это сведение совпадает отчасти именами литовских божеств с заметкой, помещенной в Галицкой летописи под 1252 и 1258 гг. по Ипатьевскому списку.¹¹³

Особую важность для нас имеет определение состава того Летописца, который входил в этот галицко-волынский сборник второй половины XIII в. Летописец этот хорошо известен в научной литературе под названием «Летописца русских царей», или «Летописца Переяславля Суздальского», в издании кн. Оболенского.¹¹⁴

Акад. А. С. Орлов так резюмирует данные о его происхождении: «„Летописец русских царей“, известный пока в двух списках XV—XVI вв., в Архивском (изд. кн. М. Оболенским в 1851 г.) и в дефектном Никифоровском (изд. С. Белокуровым в 1894 г.), судя по обоим спискам, начинался сокращенною Повестью временных лет, которая в Архивском соединена с выписками из Киевской летописи (XII в.) и с Суздальской летописью (кончена 1213 г.) в *Переяславской переделке* (курсив мой. — Д. Л.), а в Никифоровском — соединена с западнорусской летописью (сост. 1428—1430 гг.)».¹¹⁵

Итак, «Летописец русских царей» представляет собою соединение южнорусской летописи и суздальской в переяславской обработке.

Надо, впрочем, отметить, что переяславец, составлявший «Летописец русских царей», не был чужд культурных традиций юга. Сравним, например, употребление слова «царь», «царство-

¹¹² На л. 25 об. Архивского хронографа помещена статья «Оуказ же поганской прельсти сице, иже Совья богом нарицають». В ней сказано, что от Авимелеха и Совья до сего лета, «в няже начахом писати книги сия» — лет 3446. Считая по «Летописцу вскоре» Никифора до Авимелеха 3324 г. получим 6770 (1261 или 1262) год.

¹¹³ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, 1926, гл. 31, с. 95.

¹¹⁴ Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.), издан М. А. Оболенским (М., 1851).

¹¹⁵ «Общие по содержанию части Архивского и Никифоровского списков независимо восходят к одному общему оригиналу с юго-западными диалектическими чертами. Этот оригинал, судя по замене имени Печенегов и Половцев Татарами, восходил ко времени позже 1240 г. (см. опустошение последними Галицко-Волынских земель)». Примеч. акад. А. С. Орлова. См.: Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи, с. 94.

вати» вместо «князь», «княжити»,¹¹⁶ отразившееся в самом заглавии («Летописец русских царей») и находящее себе аналогию в Галицкой летописи, где Роман называется «царем в Русской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все».¹¹⁷ Западные источники постоянно называют галицкого князя «rex Russiee» еще до коронования Даниила, в отличие от князей других княжеств, которых титулуют обычно «dux». Северо-восточные летописи никогда не называют русских князей царями.

Не лишним будет также отметить, что составитель «Летописца русских царей» или переписчик его в протограф Архивского сборника не упустил из виду в своей работе предшествующий в сборнике компилятивный хронограф. Так, под 980 г. летописец сослался на переводчика Малалы или более обширных компиляций Григория: вместо «бе, бо, рече, у Соломана» (ср. в Лаврентьевской и с перестановкой слов в Ипатьевской) он вписал: «рече бо книга Царская Григорием мнихом о Соломоне».¹¹⁸

Укажем также и на другие юго-западные элементы (как в языке, так и в содержании), подробно отмеченные выше в Летописце Переяславля Суздальского в статье А. С. Орлова (см. с. 30). Факты эти безусловно утверждают составление Летописца Переяславля Суздальского южноруссом. В истории русского летописания, однако, не найдется случая, чтобы летопись, перенесенная в другую область, переписывалась и переделывалась в ней в отдельном виде без местных дополнений и продолжений. Поэтому вряд ли возможно предположить редактирование Летописца Переяславля Русского в Галицко-Волинской Руси. Предполагаем, что Летописец Переяславля Суздальского был поставлен рядом с юго-западным компилятивным хронографом и переработан летописцем южноруссом в том же Переяславле Суздальском. Это положение для нас проясняется, как только мы вспомним, что в Переяславле Суздальском, где после смерти Александра Невского жил великий князь владимирский Дмитрий, находился двор митрополита Ки-

¹¹⁶ «И седе Олег княжа и царствова в Кневе» (882 г.); «и поставил над собою царствовати» (862 г.).

¹¹⁷ Ипатьевская лет., 1250 г. Ср. запись в синодике (Necrologium) монастыря Петра в Эрфурте: «Romanus rex Ruthenorum dedit nobis XXX marcas» под датой смерти Романа 19 июня 1205 г. (Грушевский М. История Украины—Руси. 2-е изд. Киев; Львов, 1905, т. 2, с. 485, примеч.). Или в хронике Оберцка середины XIII в.: «Rex Russiae, Romanus nomine. . .» (там же, т. 3, с. 507).

¹¹⁸ Имя Григория входит, как известно, в заглавие пятой книги Малалы Архивского хронографа: «Книгы завета божиа Ветхаго, сказующе образы Новаго завета истинну соуцу, предложеныя от греческаго языка в словенский при князи болгарстем Симеоне сыне Борини Григорием презвитером мнихом, всех церквник болгарских церкви повелением того книголюбца князя Семюна, истинне же рещи боголюбца». См.: П е т р и н В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Одесса, 1909, кн. 5, с. 7. О том, кто был Григорий, см.: П е т р и н В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 354—355.

рилла, осуществлявший живую связь юго-западной Руси с северо-восточной.¹¹⁹

В начале нашей работы мы упоминали о том, что в житии Александра Невского и в «Слове о погибели Русской земли» отразился «Никифоров летописец вскоре». Небезынтересно в связи с этим, что этот самый «Никифоров летописец вскоре» в расширенной редакции (а в житии Александра и в «Слове о погибели. . .» отразилась именно расширенная редакция) читался перед тем же «Летописцем русских царей».¹²⁰

6

Житие Александра Невского давно привлекало внимание своею необычайною формою. По мнению С. М. Соловьева, оно не относится к литературе житий святых.¹²¹ В. О. Ключевский называл древнейшие жития Александра Невского «исключительным, своеобразным опытом жития, не повторившимся в агиобиографии».¹²² Н. Серебрянский предполагал в основе жития Александра особую светскую повесть о «мужестве» Александра,¹²³ но не мог указать ей аналогичных.

Акад. А. С. Орлов указал на южнорусскую литературную традицию в основе жития: «. . . к числу Владимиро-Суздальских произведений, писанных все еще в южнорусской манере, с привлечением книжных источников, популярных в Киевской Руси, от-

¹¹⁹ На связь «Летописца русских царей» с митрополичьим двором намекает также то обстоятельство, что в нем читаются два законодательных памятника: «Завет Володимиров о судех» и «Суд Ярослава», в которых перечисляются преступления, подлежащие суду духовному, а не гражданскому. Об интересе митрополита Кирилла к церковному законодательству вообще см.: С о к о л о в П. Русский архиерей из Византии, с. 159—192.

¹²⁰ На л. 478—480 Архивского сборника перед «Летописцем русских царей» (начинающимся на л. 481) находится статья «Начало царства Константина града греческаго», содержащая список византийских императоров до первой половины X в. Статья эта представляет собой конец распространенной редакции «Никифорова летописца вскоре». Помещение статьи из «Никифорова летописца вскоре» перед «Летописцем русских царей» не является случайным: в полном виде распространенная редакция «Никифорова летописца вскоре» читалась в протографе Архивского сборника. Это явствует из того, что начало распространенной редакции «Никифорова летописца» (обрывается на статье из Амартола «О Аврааме како позна искати бога») находится в сборнике XV в., принадлежавшем Никифорову (БАН, 45.11.16), и снова перед сохранившимся в нем началом «Летописца русских царей» (л. 211об.—225об.). Кроме того, между распространенной редакцией «Никифорова летописца вскоре» и «Летописцем русских царей» наблюдается тесная связь (см.: Ш а х м а т о в А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 121).

¹²¹ В. О. Ключевский: биографический очерк, речи и пр. М., 1914, с. 67 (Диспут г. Ключевского).

¹²² Там же, с. 63.

¹²³ С е р е б р я н с к и й Н. Древнерусские княжеские жития, с. 200 и след.

носится светская биография Александра Невского. . .».¹²⁴ Уточнение южнорусской литературной традиции как галицко-волын-ской было сделано Н. К. Гудзием: «Некоторые стилистические приемы, особенно наблюдаемые в Галицко-Волинской летописи, — пишет Н. К. Гудзий, — найдем и в памятнике Суздальской Руси — житии Александра Невского (ср., например, выражение «в силе тяжьце», встречающееся в житии и излюбленное в Галицко-Во-лынской летописи; или слова митрополита Кирилла при погребении Александра: «Чада моя, разумеите, яко уже зайде солнце земли Суждальскыя», близкие к словам «лучших людей володи-мирских», сказанным ими при погребении Владимира Василько-вича, в свою очередь восходящим к словам плача по Мстиславе Ро-стиславиче в Киевской летописи)».¹²⁵

Нам думается, что приведенные сопоставления и реальные ис-торические факты позволяют уточнить многие из наблюдений, сделанных исследователями (акад. А. С. Орловым, В. Мансиккой, Н. И. Серебрянским, Н. К. Гудзием и др.). По-видимому, прав Н. Серебрянский, предполагая в основе жития Александра свет-ское жизнеописание. Правы также и те, кто указывали на южно-русскую литературную традицию в житии Александра. Эта южно-русская литературная традиция должна быть уточнена как галиц-кая: светское жизнеописание Александра Невского продолжало литературную традицию, отложившуюся в светском же жизнеопи-сании Даниила Галицкого.

1947

¹²⁴ Орлов А. С. Курс лекций по истории древней русской литера-туры. 2-е изд. М.; Л., 1939, с. 127.

¹²⁵ История русской литературы: В 10-ти т. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 32.